

ДАУРАНИЯ ТОРН

Истории, которые остаются с тобой

ТРИДЕСЯТАЯ УЛИЦА, ДОМ 1

◆ КНИГА 4 ◆

«ВЕДЬМИНА ЗЛОБА»

Даурания Торн

**Ведьма из Подмосковья.
«Тридесятая улица, дом 1.»
Книга 4. «Ведьмина злоба»**

«Автор»

2026

Торн Д.

Ведьма из Подмосковья. «Тридесятая улица, дом 1.» Книга 4.
«Ведьмина злоба» / Д. Торн — «Автор», 2026

АннотацияАлиса Митрофанова думала, что после победы над Миражей наступит покой. Но покой на Тридесятной улице — вещь редкая. В округе объявляется колдунья Марфа. Она не насылает туманы и не открывает двери — она вредит по-мелочи, но от этого не менее страшно: у одних кур поют матерные частушки, у других из пола растёт берёза, у третьих пропадают отражения, сны и голоса. Марфа метит людей, ставит закладки, прячет злые вещицы. Алисе и её друзьям — коту Мирону, домовому Андрону, маленькой певунье Бусе и новым духам — приходится распутывать клубок её пакостей. Но когда Марфа уходит, её дело подхватывает наследница — молодая знахарка Ярина, которая кажется доброй, но её дары оставляют на людях тёмные метки. Она ищет не просто силу — она ищет Хозяина туманов. В четвёртой книге серии «Тридесятная улица»: помощь людям, смех и слёзы, новая злодейка и старая магия, которая никогда не уходит до конца.

© Торн Д., 2026

© Автор, 2026

Даурания Торн

Ведьма из Подмосковья. «Тридесятая улица, дом 1.» Книга 4. «Ведьмина злоба»

Ведьма из Подмосковья.
«Тридесятая улица, дом 1.»

Книга 4. «Ведьмина злоба»

Глава 1. В которой на Тридесятой улице появляется новая беда, а в доме — новая сила

Лето на Тридесятой улице выдалось раннее, жаркое и до краёв наполненное тем особым, звенящим покоем, какой бывает только после долгой и страшной зимы. Дом, словно выдохнув после всех потрясений, расправил брёвна, задышал глубже, и его окна, выходявшие на поляну, блестели так, будто их только что протёрли невидимой рукой. По утрам в траве, ещё не успевшей просохнуть от росы, копошились шмели, а в сирени у забора, как крошечные колокольчики, звенели синицы. Мир, недавно стоявший на краю, снова стал прочным, и от этого всем в доме — и людям, и зверям, и духам — было легко.

Алиса Митрофанова вышла на крыльцо, босая, с кружкой парного молока, и зажмурилась от солнца. Внизу, на траве, Буся и Уголёк устроили охоту на бабочку, которая, впрочем, вовсе не боялась и нагло кружила у них перед носом. Тёпа, развалившись в тени старой яблони, лениво следил за ними одним глазом, изредка зевая так, что усы у него подрагивали. Алёна и Сев сидели на лавке у калитки и о чём-то тихо разговаривали, и в их позах было то особенное спокойствие, какое бывает только у людей, переживших долгую разлуку и наконец нашедших друг друга. Андрон, как всегда, суетился по хозяйству: то поправлял покосившийся плетень, то сметал с дорожки несуществующую пыль, то просто стоял, подбоченившись, и смотрел на всё это с видом хозяина, у которого всё под контролем.

— Хороший день, — произнесла Алиса, ни к кому не обращаясь.

— Хороший, — отозвался Мирон, развалившийся на перилах. — Если не считать того, что Буся опять задумала какую-то глупость.

— Никакую не глупость! — тут же откликнулась Буся, на секунду отвлёкшись от бабочки. — Я хочу поймать её и назвать Марфой.

— Зачем тебе бабочка по имени Марфа?

— Потому что она такая же суетливая, как Заряна, когда ищет свои травы.

— Сравнила, — фыркнул Мирон. — Заряна хотя бы знает, что ищет. А ты носишься как угорелая.

— Я изучаю, — с достоинством ответила Буся и снова прыгнула.

Заряна, стоявшая у двери с корзинкой свежих трав, улыбнулась. Она только что вернулась с опушки, где собирала зверобой и мяту, и от неё пахло полем и летом. Перышко, сидевший на крыше, проводил её взглядом и, расправив крылья, мягко слетел вниз. Он стал поправляться после всех передрыг, и его чёрные перья снова отливали синевой, как в тот день, когда он впервые появился у разлома.

— Пойдём завтракать? — спросил он, приземлившись у ступеней.

— Пойдём, — Алиса кивнула и вошла в дом.

Внутри было прохладно и пахло свежим хлебом, который Андрон поставил на стол ещё затемно. Завтрак на Тридесятой всегда был особенным ритуалом: все собирались вокруг боль-

шого дубового стола, каждый занимал своё место, и даже самые маленькие духи — Уголёк и Тёпа — сидели на лавке, как полноправные члены семьи. Сегодня говорили о пустяках: о том, что в лесу много черники, что у Сева наконец зажила старая рана на плече, что в деревне, говорят, появился новый кузнец, который умеет ковать подковы «на счастье». И только Алиса, слушая их, чувствовала лёгкое, едва уловимое беспокойство, как будто в дальнем углу комнаты кто-то тихонько постукивал пальцем по стене.

— Ты какая-то тихая, — заметил Мирон, который, как всегда, сидел у её ног. — Что-то случилось?

— Пока не знаю, — честно ответила Алиса. — Но как будто... как будто в воздухе что-то изменилось. Слышишь?

Мирон прислушался. Его уши медленно повернулись к окну, потом к двери, потом снова к Алисе.

— Птицы, — негромко произнёс он. — Они поют, но не так, как вчера. Словно осторожничают.

— Вот и я о том же, — Заряна отставила кружку. — Я утром, у ручья, слышала, как вода звенит иначе. Будто ей кто-то мешает. Но следов нет.

— Может, это просто лето, — предположила Алёна, отрываясь от лепёшки. — Всё меняется.

— Меняется, — согласился Сев, глядя в окно. — Но не всегда к лучшему.

Он произнёс это так, что все ненадолго притихли. Сев, выросший на севере, где земля была суровее, а двери — ближе, умел чувствовать приближение беды раньше других. Алиса посмотрела на него, но спрашивать не стала: если бы он знал что-то важное, он бы сказал.

После завтрака, когда Алиса уже собиралась выйти во двор, у калитки послышался шум. Кто-то громко кашлянул, потом раздался стук — не в дверь, а по деревянному забору, как будто стучавший не решался войти, но и уйти не мог. Андрон, ворча, отправился открывать и через минуту вернулся с женщиной.

Женщина была немолодая, худощавая, в тёмном платке, из-под которого выбивались седые пряди. На ней было старое, но опрятное платье, а в руках — плетёная корзина, доверху наполненная какими-то свёртками. Лицо её, изрезанное морщинами, было бледным, а глаза, светло-карие, смотрели на Алису с мольбой и страхом одновременно.

— Простите, что без зова, — заговорила она, и голос её был тихим, как шелест сухой травы. — Я из деревни Загорье. Меня зовут Любава. И у меня... у меня в доме завелось.

— Завелось? — Алиса переглянула с Заряной. — Что именно?

— Сама не пойму, — Любава прижала корзину к груди. — То ли дух, то ли зверь, то ли что похуже. Но оно портит всё, к чему прикоснётся. Молоко киснет за час. Хлеб, только из печи, плесневеет к вечеру. А ночью... — она понизила голос, — ночью кто-то ходит по дому и смеётся. Не зло, но так, что мурашки.

— Это началось недавно? — спросила Заряна, подходя ближе.

— Неделю назад. И всё хуже. Вчера у меня в огороде все грядки перепутались: морковь выросла на грядке с луком, а лук — в парнике. Я его не сажала.

— А в доме что? — подал голос Мирон.

— В доме вещи переставляются. Утром нахожу сковороду в сундуке, а валенки — на печи. И запах. По всему дому запах полыни, хотя я её не держу.

— Полынь — это защита, — задумчиво произнесла Алиса. — Кто-то пытается отгородиться.

— От кого? — испуганно спросила Любава.

— Это нам и предстоит узнать, — Алиса улыбнулась, стараясь придать голосу уверенности. — Вы пока отдохните с дороги. Андрон, принеси нашей гостье взвару.

Пока Андрон хлопотал, Алиса отошла к окну и задумалась. Всё описанное не походило ни на домового, ни на шуликуна, ни на какого-либо из духов, с которыми они сталкивались прежде. Это было что-то новое. И, судя по тому, как напрягся Сев, он тоже это чувствовал.

— Что скажешь? — тихо спросила Алиса, не оборачиваясь.

— Скажу, что у твоей гостьи в доме не дух, — так же тихо ответил Сев, подходя. — Это след. Колдовской. Как будто кто-то наложил на дом проклятие, а потом ушёл.

— И оставил после себя «подарок», — кивнула Заряна, которая слышала их разговор. — Обычно такие вещи не появляются сами. Их подкладывают. Или подбрасывают.

— Кто? — спросила Алёна, прижимаясь к Севу.

— Тот, кто затеял игру, — Сев посмотрел на неё. — И, боюсь, эта игра только начинается.

Алиса вернулась к столу, села напротив Любавы. Женщина уже немного успокоилась, но руки её, сжимавшие кружку, всё ещё дрожали.

— Расскажите по порядку, — попросила Алиса. — Что было в первую ночь, когда всё началось?

Любава нахмурилась, вспоминая.

— В первую ночь я проснулась от холода, хотя печь была тёплой. Вышла в сени, а там — следы. Маленькие, как от звериных лап, только с пятью пальцами. И ведут от порога к погребу. Я заглянула в погреб, а там всё вверх дном: банки с вареньем перевернуты, но не разбиты. Просто стоят на крышках. А на полу — круг. Из соли.

— Соляной круг, — Заряна подалась вперёд. — Это защита от нечисти. Кто-то пытался запереть то, что пришло.

— Или запереть вас, — добавила Алиса, глядя на Любаву. — Скажите, у вас нет врагов? Женщина опустила глаза.

— Да как сказать... Есть одна баба в деревне, Марфа-колдунья. Мы с ней давно не в ладах. Она мне ещё в прошлом году говорила: «Попомни, Любава, я тебе устрою». Я думала, брешет. А теперь вот...

— Марфа-колдунья? — Мирон наострил уши. — Настоящая?

— А кто её знает. Люди говорят, что она умеет заговаривать, лечить, а иногда и портить. Но я с ней дел не имела, пока она не обозлилась за то, что я у неё курицу не купила.

— Курицу? — Буся, которая всё это время сидела тихо, выглянула из-за стола. — Из-за курицы так злиться?

— Она не из-за курицы, — Любава вздохнула. — Ей моя земля понадобилась, чтобы огород расширить. А я не продала. Вот она и осерчала.

В горнице повисла тишина. Алиса снова взглянула на Заряну, и та едва заметно кивнула.

— Мы поедем с вами, — сказала Алиса, поднимаясь. — Посмотрим на дом. И на эту Марфу.

— Только осторожно, — предупредила Любава. — Она, говорят, с нечистью водится.

— Ничего, — Алиса усмехнулась. — У нас тоже вон — Буся с Угольком. Та ещё нечисть.

Буся сделала вид, что обиделась, но хвост её радостно завилял.

Сборы были недолгими. Алиса взяла огарок, пучок полыни, святую воду и, поразмыслив, маленький бронзовый колокольчик, который всегда брала в дорогу. Заряна собрала травы, Мирон, как обычно, навёл порядок в своей шерсти. Сев, Алёна, Уголёк и Тёпа тоже засобирались — никто не хотел оставаться в стороне.

— А как же дом? — Андрон выглянул из-за печи. — Я опять один?

— Не один, — Алиса улыбнулась. — Перышко с тобой останется. Он у нас теперь главный сторож.

Перышко, сидевший на подоконнике, расправил крылья и солидно кивнул, хотя в его глазах мелькнула лёгкая обида: он, конечно, хотел бы пойти со всеми.

— Ладно, — Андрон вздохнул. — Только возвращайтесь скорее. У меня на вечер щи с грибами.

— Вернёмся к щам, — пообещала Алиса.

И отряд двинулся в Загорье.

Дорога шла через сосновый бор, где пахло смолой и нагретой хвоей, и Алиса, шагая рядом с Любовью, чувствовала, как её беспокойство понемногу отступает, сменяясь знакомым, почти приятным азартом. Впереди была новая загадка. И новая колдунья, которая, возможно, знала больше, чем хотела показать.

А где-то в глубине леса, за старым кордоном, уже кружила над верхушками стая ворон, и их карканье, резкое и хриплое, разносилось над землёй, как предупреждение.

— Вот и Загорье, — Любава указала на показавшиеся между деревьев крыши. — А вон тот дом, у старой ветлы, — её. Марфин.

Алиса остановилась и прищурилась. Дом Марфы был тёмным, приземистым, с наглухо закрытыми ставнями, и от него, даже на расстоянии, тянуло холодом.

— Сначала к вам, — решила Алиса. — Посмотрим, что с вашим домом. А потом... нанесём визит.

И она решительно зашагала к калитке Любавы, за которой её ждал первый след чужой злой воли.

Конец первой главы.

Глава 2. В которой рыжая нить ведёт к тому, что закопано, и Алиса впервые слышит голос чужой злобы

Дом Любавы стоял в самом конце Загорья, там, где деревня, поредев, уступала место заросшему оврагу и старому вишненнику, который даже в самое жаркое лето оставался тенистым и сырым. Издалека он казался обычной деревенской избой: бревенчатые стены, крыльцо с двумя ступенями, печная труба, из которой, впрочем, не шло ни дымка, хотя день был не холодный. Но, подойдя ближе, Алиса сразу почувствовала: что-то с этим домом неладно.

Он не был мёртвым, нет. Скорее — настороженным. Словно притаился, как зверь, который слышит шаги, но не знает, друг идёт или враг. Ставни на окнах были прикрыты неплотно, и в щелях, если взглянуть, мелькало что-то тёмное, живое. От калитки до крыльца тянулась дорожка, посыпанная песком, и на ней, как показалось Алисе, лежал едва заметный маслянистый след, будто кто-то протащил по земле что-то скользкое.

— Вот, — Любава остановилась у калитки и перекрестилась. — Здесь я живу. И здесь всё это творится.

— В доме кто-нибудь есть? — спросила Алиса, не сводя глаз с тёмного окна.

— Никого. Я одна. Кошку и ту не держу — сбежала ещё на той неделе.

— Разумная кошка, — пробормотал Мирон, принохиваясь. — Хотя... пахнет тут не так уж и плохо. Польшью, да. И ещё чем-то.

— Чем? — Буся, семенившая рядом, приподнялась на задние лапки.

— Горечью, — Мирон сморщил нос. — Как от раздавленной осиной коры. И немного — рыбьим жиром.

— Рыбий жир? — Сев, шедший позади с Алёной, нахмурился. — Это не к добру. Жир используют, чтобы смазать след, когда хотят, чтобы проклятие не потерялось.

— Или чтобы оно прилипло, — добавила Заряна, доставая из сумки маленький пузырёк. — Намажь-ка, — она протянула его Бусе, — себе на нос. Если почувешь кислое — сразу говори.

Буся послушно обмакнула лапку в пузырёк и провела по носу. Уголёк, наблюдавший за ней, ревниво потянулся и тоже хотел, но Заряна спрятала пузырёк.

— Тебе нельзя, — серьёзно сказала она. — Ты ещё маленький. У тебя чутьё нежное, можно сжечь.

Уголёк обиженно чихнул, но спорить не стал.

Они вошли во двор. Алиса, положив ладонь на калитку, почувствовала лёгкое покалывание — то самое, какое бывает, когда прикасаешься к вещи, побывавшей в чужих, недобрых руках. Огарок в кармане отозвался едва уловимым теплом. Она не стала останавливаться: чем быстрее они разберутся, тем лучше.

У крыльца Любава замешкалась, но Алиса ободряюще кивнула, и женщина отворила дверь. В сенях было темно и пахло так, как пахнет в домах, где долго не открывали окон: застоявшимся воздухом, старой пылью и всё той же полыньёю, от которой уже начинало горчить во рту.

— Я боюсь входить, — призналась Любава, и голос её задрожал.

— Мы войдём первыми, — Алиса отстранила её и переступила порог.

Внутри было тихо. На столе, на чистой скатерти, стояла миска с нетронутой кашей, и к ней, как заметила Алиса, уже успела прилипнуть мелкая мошка, хотя летом это дело обычное. У печи, на лавке, лежал недошитый рушник, а на полу, у самого входа, была рассыпана соль — не ровной дорожкой, а так, будто её кто-то сыпал второпях, оглядываясь.

— Соль на пороге, — тихо произнесла Заряна, останавливаясь. — Это не от нечисти. Это от сглаза. Кто-то хотел, чтобы беда не переступила порог, но сама же её и принесла.

— Смотрите, — Алёна указала на подоконник. — Пучки.

На подоконнике, связанные красной ниткой, лежали пучки полыни, череды и какого-то тёмного корня. Они были перевернуты — верхушками вниз, и от них по стеклу расползались тонкие, как паутина, трещинки.

— Это не защита, — Сев подошёл, взял один пучок, повертел. — Это приказ. Так делают, когда велят дому не принимать гостей. Если бы вы ночевали здесь одна, Любава, к утру и порога бы своего не нашли.

— Что это значит? — испуганно спросила женщина.

— Значит, дом перестаёт быть вашим, — Заряна отобрала у Сева пучок и бросила его в угол. — Но мы успели.

Алиса, не теряя времени, опустилась на колени у порога и начала осматривать половицы. Огарок в её руке, поднесённый к щелям, вспыхивал то ярче, то слабее, выхватывая то крошечные комочки земли, то обрывки ниток. Наконец она нашла то, что искала: одна половица была чуть-чуть приподнята, будто её недавно вынимали.

— Здесь, — сказала Алиса, поддевая её ножом.

Половица подалась с нехорошим, влажным чавканьем, словно под ней было не сухое дерево, а что-то живое. Алиса отложила её и заглянула в углубление. Там, в темноте, лежал свёрток — небольшой, обмотанный рыжей нитью, от которой, как ей показалось, исходил едва слышный запах тухлой рыбы.

— Не трогай голыми руками, — предупредила Заряна, доставая из сумки холстину.

Алиса осторожно, через тряпицу, вытащила свёрток. Он был лёгким, но внутри что-то перекатывалось, будто маленький камешек. Рыжая нить, оплетавшая его, была завязана на семь узлов, и каждый узел, если приглядеться, был слепок не просто из ниток, а из чьих-то волос, перекрученных с пером.

— Это оно, — прошептала Любава, отступая. — Я видела такое. У Марфы на дворе.

— Что значит «такое»? — спросила Алиса.

— Она делает «заклады», — Любава сглотнула. — Подкладывает людям под порог, чтобы их жизнь портилась. Мне соседка рассказывала: у неё Марфа под крыльцо подсунула мешочек с землёй с кладбища, и у соседки корова перестала доиться. А у меня вот... — она кивнула на свёрток, — видимо, посильнее заговор.

— Развяжем? — Буся подошла ближе, но Мирон хвостом отодвинул её.

— Стоять, — приказал он. — Сначала пусть Алиса прочитает.

Алиса положила свёрток на стол, но не стала развязывать. Вместо этого она поднесла к нему огарок и тихо, нараспев, начала читать заговор, который выучила ещё из книги Серафимы: слова о том, чтобы злая воля, завязанная узлом, не нашла дороги ни к дому, ни к людям, ни к скотине. Свеча в её руке затрещала, пламя потемнело, и из свёртка, как дым, поползла струйка, которая стала закручиваться в подобие маленькой змеи.

— Ух! — выдохнула Буся.

— Не шевелись, — Заряна быстро накрыла свёрток холстиной и прижала ладонями. — Оно почуяло силу. Если бы мы развязали, змейка бы выскользнула и ушла бы в землю. Тогда беда вернулась бы через год.

— Что внутри? — спросила Алёна.

— Судя по всему, земля с могилы, волосы хозяйки, — Заряна кивнула на Любаву, — и что-то ещё, что должно было притянуть к дому нечисть. Скорее всего, птичьи кости. Или зуб.

— Зуб? — Любава побледнела. — Чей?

— Неважно, — Заряна не стала уточнять. — Важно, что мы это нашли. Теперь нужно отнести свёрток туда, где он не сможет вредить. Лучше всего — в текущую воду.

— Или сжечь, — предложил Мирон.

— Нельзя. Если сжечь, дым разнесёт проклятие по ветру. Только вода. И лучше — река, что бежит на север.

— Река есть, — оживилась Любава. — В овраге, за вишенником. Её в деревне зовут Гнилуша. Она, правда, гнилая, но течёт.

— Подойдёт, — Заряна кивнула. — Отнесём.

Алиса, завернув свёрток в холстину, прижала его к груди. Он был едва тёплым, но это тепло было неприятным, как прикосновение к чужому, нездоровому телу. Она поёжилась, но вида не подала.

— А как же Марфа? — спросила Любава, когда они вышли во двор. — Она ведь узнает, что вы её заклад нашли.

— Узнает, — спокойно ответила Алиса. — И это хорошо. Пусть знает, что здесь её не боятся.

Они спустились к оврагу. Гнилуша оказалась узкой, тёмной речкой, густо заросшей осокой, но вода в ней действительно текла, а не стояла. Алиса, встав на мостки, развернула холстину и, не глядя на свёрток, опустила его в воду. Рыжая нить, коснувшись воды, на мгновение вспыхнула и погасла, а свёрток, словно живой, вздрогнул и пошёл ко дну.

— Вот и всё, — Заряна выдохнула. — Теперь дом чист.

— А если она снова подложит? — с тревогой спросила Любава.

— Не подложит, — Алиса повернулась к ней. — Потому что теперь за вашим домом присмотрят. И не только мы.

Она подняла руку, и из-за вишенника, как по команде, выступила высокая фигура. Осина. Леший стоял, опираясь на посох, и его зелёные глаза, в которых, казалось, жила сама листва, смотрели на Любаву с пониманием.

— Кто это? — прошептала женщина, прижимаясь к забору.

— Друг, — Алиса улыбнулась. — Теперь ваш дом под его крылом.

Осина молча склонил голову, и в его взгляде было столько древнего, спокойного достоинства, что Любава, сама того не заметив, поклонилась в ответ.

— Пойдёмте, — Алиса взяла её за руку. — Расскажите, где живёт Марфа. И что ещё она успела натворить.

— А вы... вы с ней что сделаете? — спросила Любава.

— Поговорим, — Алиса улыбнулась, но глаза её стали холодными. — Пока просто поговорим.

И они двинулись обратно в деревню, а позади, в овраге, река Гнилуша, глухо журча, уносила на север чужую злобу, которая так и не успела стать бедой.

Конец второй главы.

Глава 3. В которой колдунья принимает гостей, а в чужом доме обнаруживается новая беда

Дом Марфы стоял на самом краю Загорья, там, где улица упиралась в старую ветлу с раскидистой, будто обожжённой кроной. Он не был похож на жилой: ставни наглухо закрыты, тропинка к крыльцу заросла крапивой, а из-под ворот тянуло сырым, застоявшимся холодом, как из погреба, куда давно не заглядывали. Вокруг, сколько хватало глаз, не росло ни цветка, ни кустика — только серая, прибитая к земле трава, будто на это место легла чья-то тяжёлая, недобрая тень.

— Вот там она и живёт, — Любава остановилась поодаль и перекрестилась. — Марфа-колдунья. Звать её так, но кто её по-настоящему знает... — она не договорила, махнула рукой.

— Одна живёт? — спросила Алиса, разглядывая тёмные окна.

— Одна. И кошек у неё двенадцать. Говорят, по ночам они собираются на крыше и воют.

— Кошки не воют, — возразил Мирон, нервно поведя усами. — Кошки орут. И то по делу.

— По какому? — Буся выглянула из-за его плеча.

— По-кошачьему, — отрезал кот и первым направился к калитке.

Но войти не успел: калитка распахнулась сама, словно ждала. Изнутри, из тёмного двора, пахло травами, воском и чем-то ещё — тонким, приторным, как запах старых духов. На пороге, выпрямившись, стояла женщина.

Она была невысока, но казалась выше из-за прямой, как жердь, спины. На ней было тёмно-зелёное платье, подпоясанное витым шнурком, и платок, повязанный так туго, что ни одна прядь не выбивалась. Лицо её — скуластое, с тонкими губами и острым подбородком — было бы почти красивым, если бы не глаза: маленькие, тёмные, блестящие, как две смородины, они смотрели на гостей с тем особым, оценивающим выражением, какое бывает у человека, который заранее знает, что вы пришли зря.

— Никак, ведьма с Тридесятой? — произнесла Марфа, и голос её оказался неожиданно низким, тягучим, как мёд с горчинкой. — А я всё думала, когда ж ты ко мне заглянешь. Думала, раньше придёшь. А ты, видать, по соседям сначала ходила.

— Было дело, — спокойно ответила Алиса. — Проведать кое-кого.

— И как? Проведала?

— Проведала. Дом у Любавы теперь чист. И будет чист, пока за ним присматривают.

Марфа усмехнулась. Усмешка у неё была неприятная, но не злая — скорее, как у кошки, которая видит мышь, но ещё не решила, стоит ли играть.

— Чист, говоришь, — протянула она, опираясь на косяк. — А надолго ли? Дом-то старый. В нём щелей много. Всякое завестись может.

— Может, — согласилась Алиса. — Если кто-то всякое туда подкладывает.

— Ах, вот ты о чём, — Марфа сделала вид, что только сейчас поняла. — Так это вы про тот свёрток, что Любава под порогом нашла? Ну нашла и нашла. Только зря ты, ведьма, на меня киваешь. Не я это.

— А кто?

— Земля, — Марфа развела руками. — Земля всё помнит. Кто на неё зло держит, тому она и возвращает. А Любава твоя... — она понизила голос, — она курицу у меня украла. Не покупала, а выкрала. Думаешь, не знаю? Всё я знаю.

— Не крала я! — выкрикнула Любава, но голос её сорвался на плач. — Это моя курица была, пестрая! А ты сама её к себе заманила!

— Заманила? — Марфа рассмеялась, и от этого смеха у Буси шерсть встала дыбом. — Да нужна мне твоя курица! Я ей зерна насыпала из жалости. А ты, вместо спасибо, пошла по деревне трезвонить, что я воровка.

— Так и было! — Любава прижала руки к груди. — Люди видели!

— Люди много чего видят, — Марфа снова улыбнулась, но уже не весело. — Только не всегда понимают, что видят.

Алиса слушала этот обмен, не перебивая. Она знала: в таких спорах правду не найти, потому что каждая сторона вывернет её на свой лад. Но одно она чувствовала ясно: Марфа не проста. В ней, как в старом, закопчённом котле, кипела сила — не светлая, но и не вся чёрная. Скорее, та, что рождается из обид и долгой, никому не высказанной боли.

— Мы пришли не судить, — сказала Алиса, когда пауза затянулась. — Мы пришли понять, что происходит в вашей деревне. Люди напуганы. В их домах заводится нечисть, портится еда, болеет скотина. Если вы можете это остановить — сделайте.

— А если не могу? — Марфа сощурилась. — Тогда что? Погонишь меня? Сожжёшь мой дом?

— Зачем же так сразу, — Алиса покачала головой. — Я не из тех, кто жжёт.

— А зря, — неожиданно тихо произнесла Марфа и отступила в тень. — Иногда лучше сжечь, чем оставить тлеть.

Она повернулась и, не прощаясь, скрылась в доме. Дверь за ней закрылась с глухим, тяжёлым стуком. Калитка, скрипнув, захлопнулась. И в воздухе остался только тот самый приговорный запах, от которого першило в горле.

— Ну и баба, — выдохнула Буся, первая, нарушив тишину.

— Не баба, а клубок, — отозвался Мирон. — И клубок этот ещё распутывать и распутывать.

— Пойдёмте, — Алиса повернулась к Любаве. — Не всё сразу. Сначала — дом. Потом — разговоры.

Но уйти далеко не успели. У крайнего дома, что стоял через два двора от Любавиного, собралась толпа. Люди перешёптывались, крестились и смотрели на забор, на котором, как диковинные плоды, висели... лапти. Старые, но целые, они покачивались на ветру, хотя ветра не было.

— Что это? — спросила Алёна, прижимаясь к Севу.

— Это «отвод глаз», — Заряна нахмурилась. — Так делают, когда хотят, чтобы в доме что-то пропадало, а хозяева не замечали.

— Что пропадало? — спросила Любава.

— Всё, что дорого. Сначала мелочи: ложки, нитки. Потом — память. Люди начинают забывать, зачем шли, что хотели. А потом и себя.

Из толпы выступил мужик с редкой бородой и в запylённом картузе. Он был бледен и то и дело оглядывался.

— Ведьма, — позвал он. — Слышь, ведьма. Ты помоги. У меня в доме с утра всё не так. И лапти эти — мои. Я их вчера на забор не вешал. А сегодня они тут. И ещё... — он замаялся, — жена моя, Настасья, она с утра сидит и смотрит в одну точку. Не ест, не пьёт. Только шепчет.

— Что шепчет?

— Не разобрать. Будто считает что-то. Или зовёт.

Алиса переглянулась с Заряной.

— Идём, — коротко сказала она.

Дом мужика, которого звали Егором, был похож на дом Любавы: старый, с резными наличниками, но теперь и он казался настороженным. Внутри, на лавке у окна, сидела женщина. Она была ещё молода, но лицо её, осунувшееся и серое, казалось на десять лет старше. Губы её беззвучно шевелились, а глаза смотрели куда-то за окно, в пустоту.

— Настасья, — позвал Егор, но она не отозвалась.

Буся, не дожидаясь, подбежала и положила лапку на её руку. Женщина вздрогнула, перевела взгляд.

— Ты пришла, — прошептала она, глядя на Бусю, но, кажется, видя кого-то другого. — Я звала, и ты пришла.

— Кто ты? — тихо спросила Алиса, опускаясь рядом. — Кто её зовёт?

— Не знаю, — Егор сжал шапку. — Но она с утра как во сне. И в доме всё холоднее. Хотя печь топлена.

— Это не сон, — Заряна подошла, вгляделась. — Это наговор. Ей подсунули то, что тянет из неё силы.

— Где? — Алиса обернулась.

— Наверняка у изголовья, — Заряна уже шла к кровати. — Смотрите.

Под подушкой, приколотая к наволочке булавкой, висела маленькая тряпичная куколка — скрученная из тёмной ткани, с рыжей ниткой на шее, туго затянутой. Она пахла той самой полынью и ещё чем-то, отчего хотелось отстраниться.

— Вот оно, — Алиса осторожно сняла куколку. — Марфа.

— Значит, всё-таки она? — Егор побледнел.

— Она. И она знает, что мы найдём. Потому и не испугалась.

— Что делать? — голос Егора дрогнул.

— Разорвать нить. Но не здесь и не сейчас. — Алиса спрятала куколку в холстину. — Сначала — отнести её к реке.

— Опять к Гнилуше? — спросила Любава.

— Нет. Куколку нужно вернуть туда, откуда пришла. То есть к дому Марфы.

— Но она же узнает! — ахнул Егор.

— Пусть узнает, — Алиса посмотрела на него. — Пусть поймёт, что мы не отступим.

Они вышли из дома, и Алиса, держа свёрток с куколкой, направилась к дому Марфы. На этот раз калитка не открылась сама — пришлось стучать. Ответа не было. Тогда Алиса, недолго думая, положила свёрток на камень у калитки и громко произнесла:

— Марфа! Забери своё! И знай: следующий раз — разговор будет другим.

Из-за ставней, как показалось, на миг выглянуло чьё-то лицо. Потом снова стало тихо. Но когда отряд отошёл, свёртка на камне уже не было.

— Взяла, — прошептала Буся.

— Взяла, — кивнула Алиса. — А значит, услышала.

Они возвращались в дом Любавы, и по дороге Алиса думала о Марфе. В ней было что-то, чего она пока не могла понять: не просто злоба, не просто мелочная месть. Что-то глубже, что-то скрытое, как корень, который растёт не вверх, а вниз.

И это «что-то» ей ещё предстояло вытащить на свет.

Конец третьей главы.

Глава 4. В которой ночь приносит огоньки, следы у колодца и первую жертву чужой ворожбы

Вечер в Загорье наступил быстро, как это бывает в начале лета, когда солнце, ещё недавно стоявшее высоко, вдруг скатывается за окоём, оставляя после себя долгие, тревожные сумерки. В доме Любавы пахло печным дымом и сушёными травами, которые Заряна разложила по углам, чтобы отогнать от жилья остатки чужой воли. Хозяйка, успокоенная, но всё ещё бледная, сидела на лавке у окна и то и дело взглядывала на улицу, где сгущалась темнота.

Алиса, Мирон, Буся, Алёна и Сев устроились за столом. Уголёк и Тёпа, набегавшись за день, спали в углу, свернувшись в один мохнатый клубок, и от их дыхания половицы едва

заметно подрагивали. Андрон, оставшийся домовничать, наказал вернуться до полуночи, но Алиса уже понимала: эта ночь будет длинной.

— Она что-то задумала, — негромко произнесла Заряна, помешивая отвар в глиняной кружке. — Я слышу, как за окном дрожит воздух. Будто кто-то шепчет, но слов не разобрать.

— Это она зовёт, — Сев поднял голову. — Марфа. Она, как я понял, не простая колдунья. Такая не остановится, пока не увидит, что вы сдались.

— Или пока мы не остановим её, — Алиса прижала ладонь к огарку, и тот слабо потеплел. — Расскажи, Любава, что ещё говорят в деревне о Марфе. Мне нужно понять, с кем мы имеем дело.

Любава, зябко кутаясь в платок, начала рассказывать. Голос её был тихим, но ровным, и в нём, помимо страха, слышалась старая, застарелая обида.

— Марфа появилась в Загорье лет десять назад, — говорила она. — Никто не знал, откуда. Говорили, будто с севера, но точно никто не ведал. Она поселилась в том доме у ветлы, который до неё пустовал. Поначалу вела себя тихо: ходила по лесу, собирала травы, лечила скотину. Люди к ней даже за советом ходили. А потом... — Любава запнулась, подбирая слова, — потом она изменилась. Стала злой. То есть не сразу, но год за годом всё хуже. Начала ссориться с соседями. Курицу у меня увела, это все видели. Потом у других то овца пропадёт, то молоко скиснет, то в доме вещи пропадать начали. Всё на неё кивали, а она только посмеивалась.

— А местные пробовали её прогнать? — спросила Алиса.

— Пробовали. Даже батюшку звали. Он пришёл, порог окропил, молитву прочитал. Марфа ему в ноги поклонилась, перекрестилась. А ночью у батюшки в доме все иконы перевернулись. Не упали, не разбились — просто повисли вниз ликами. Он с тех пор в Загорье не появляется.

— Сильно, — Мирон шевельнул усами. — Значит, она не боится ни святых, ни людей.

— Боится, — неожиданно подала голос Буся, до этого молчавшая. — Просто не показывает. У неё внутри всё дрожит, как у зайца. Только она прячет это за злостью.

— Откуда ты знаешь? — Алёна удивлённо посмотрела на неё.

— Я слышала, когда она с нами говорила. У неё сердце стучало быстро-быстро, как у птички, которую поймали. И пахла она... — Буся задумалась, — пахла старым дымом и ещё чем-то кислым, как от квашни, которую забыли закрыть.

— Страх и одиночество, — Заряна кивнула. — Это многое объясняет. Но не оправдывает.

Алиса встала, подошла к окну. На улице совсем стемнело, и только у колодца, в самом центре деревни, горел слабый, неровный свет — будто кто-то зажёл свечу и держал её в ладони.

— Смотрите, — она указала на огонёк. — Это у колодца.

Любава охнула, перекрестилась.

— Это они, — прошептала она. — Огоньки. В прошлый раз, когда Марфа рассердилась на Фёдора-кузнеца, у него во дворе всю ночь такие горели. А наутро он не смог руку поднять — как отнялась.

— Идём, — Алиса решительно направилась к двери. — Только тихо.

Они вышли в ночь. Воздух был тёплым, но от земли поднимался холод, как после заморозка. Огонёк у колодца дрожал, то разгораясь, то затухая, и в его неверном свете было видно, как по траве, от колодца к домам, тянутся тёмные, будто выжженные полосы. Следы. Не человеческие, не звериные — какие-то рваные, длинные, как от метлы, которой провели по земле.

— Это она, — Сев присел, провёл пальцем над следом. — Метёт. Отводит глаза. По этим следам беда пойдёт.

— Куда? — шёпотом спросила Алёна.

— Туда, куда она её направит, — Сев выпрямился. — Скорее всего, к тем, кто против неё.

Алиса сжала огарок. Тот вспыхнул, разгоняя тьму, и в его свете следы стали видеться яснее: они расходились от колодца, как спицы, и одна из полос вела к дому Егора, другая — к Любаве, третья — в сторону леса, к старому погосту, о котором Алиса уже слышала.

— Она метёт троих, — Заряна нахмурилась. — Егор, Любава и.. тот, кто на погосте.

— Кто там может быть? — Буся прижалась к Мирону.

— Мёртвые, — тихо ответил Сев. — И те, кто их тревожит.

Они двинулись по следу, что уходил к лесу. Ночь была беззвучной, только изредка где-то в кронах вздыхало, будто дерево во сне. Алиса шла первой, держа огарок перед собой, и в его свете тени деревьев метались, как живые. Уголёк и Тёпа, оставленные в доме под присмотром Алёны, не шли с ними, но Алиса чувствовала, как они там, в тепле, ворочаются и скулят.

Старый погост открылся неожиданно. Это было небольшое, заросшее бузиной кладбище, куда давно не ступала нога человека. Кресты, покосившиеся, почерневшие, торчали из земли, как зубы. И на одной из могил, в изголовье, горел всё тот же бледный огонёк.

— Вот, — выдохнула Заряна. — Сюда она метёт.

— Чья это могила? — спросила Алиса.

— Не знаю, — Заряна подошла ближе, вгляделась. Крест был старый, с потёртой табличкой, на которой едва угадывались буквы. — «Марфа. Раба Божия». И дата.

Все переглянулись.

— Здесь лежит Марфа? — шёпотом переспросила Буся. — Та самая? Или другая?

— Другая, — медленно произнесла Алиса, и в её голове начали складываться кусочки. — Имя Марфа носят многие. Но если колдунья метёт к этой могиле, значит, это её родня. Мать. Или бабка.

— Или она сама, — неожиданно произнёс Сев. — Та, что сейчас ходит по Загорью, может быть вовсе не той, за кого себя выдаёт.

Алиса опустилась на колени перед могилой, положила ладонь на землю. Земля была холодной, но не мёртвой — под ней что-то едва заметно пульсировало, как будто там, в глубине, билось чьё-то сердце.

— Она взяла чужое имя, — прошептала Алиса. — И чужую могилу. А настоящая Марфа, видимо, давно покоится с миром. Но та, что называет себя ею, тревожит покой мёртвых, чтобы черпать силу.

— Тогда её нужно остановить, — Заряна поднялась. — И чем скорее, тем лучше.

— Завтра, — Алиса встала, отряхнула колени. — Сегодня мы уже ничего не изменим. Но завтра — в последний раз поговорим с ней. И если не услышит...

Она не договорила, но все поняли.

Они вернулись в Загорье затемно. Огоньки у колодца погасли, будто их и не было. Но следы на земле остались, и Любава, увидев их, снова перекрестилась.

— Ложитесь, — сказала Алиса. — Завтра будет трудный день.

Она устроилась на лавке у окна, но заснуть не смогла. Где-то далеко, на краю леса, снова завыл ветер, и в этом вое ей чудился чей-то сдавленный плач. Не то мёртвых, не то живых.

Алиса закрыла глаза и пообещала себе: эта ночь — последняя, когда Марфа сеет страх.

Конец четвёртой главы.

Глава 5. В которой пропажа голосов пугает сильнее крика, а Марфа смотрит из окна, не открывая двери

Утро в Загорье началось не с петухов. Оно началось с тишины — такой глубокой и вязкой, что Алиса, проснувшись на жёсткой лавке, первым делом подумала: не оглохла ли она. Но нет — просто деревня, ещё вчера полная привычных звуков, сегодня молчала. Ни петушиного крика, ни собачьего лая, ни скрипа колодезного ворота, ни голосов соседей, выходящих

на улицу перемолвиться словом. Только ветер, ленивый, как сонная муха, изредка шевелил листвой.

Она села, накинула плащ и выглянула в окно. На улице, у забора Любавы, стояла девочка лет двенадцати. Она была босая, в сбившемся платке, и лицо её, бледное, с заострившимися чертами, было обращено к дому. Девочка открывала рот, но из него не выходило ни звука. Только губы шевелились, будто она пыталась что-то сказать, но слова застревали где-то по дороге.

Алиса выбежала на крыльцо. За ней, встревоженные, уже спускались Заряна, Сев, Мирон и Буся. Алёна, вышедшая следом, прижала руки к груди. Уголёк и Тёпа, оставшиеся в сених, тихонько скулили.

— Что с тобой? — Алиса присела перед девочкой. — Ты кто? Откуда?

Та снова зашевелила губами, но вместо ответа — только слабое, едва слышное сипение. В глазах у неё стояли слёзы, и она, не выдержав, заплакала — беззвучно, лишь плечи вздрагивали.

— Она из соседнего дома, — подсказала Любава, вышедшая с корзинкой. — Это Дуня, дочка Пелагеи. Они вчера вечером с матерью повздорили, и та в сердцах сказала: «Чтоб тебе язык отсох!». А утром Дунька проснулась — и ни слова.

— Это не от материнского слова, — Заряна нахмурилась, вглядываясь в лицо девочки. — Смотрите: на шее, под платком, след. Как от верёвки.

Алиса осторожно отодвинула край платка. На тонкой шее, там, где сходятся ключицы, виднелась тёмная, едва заметная полоска — будто кто-то сдавил горло, но не до конца.

— Это «удавка», — тихо произнесла Заряна. — Старый наговор на голос. Делается так: берут нитку, смоченную в слезах, и завязывают на семь узлов, приговаривая имя. Потом нитку прячут туда, где человек спит. К утру голос уходит.

— Кто мог такое сделать? — Любава перекрестилась.

— Та, кто вчера метёт к погосту, — Алиса выпрямилась. — И, судя по всему, она не остановилась на одном доме.

Они пошли по деревне. У дома Егора стояла запряжённая телега, но сам хозяин не выходил. На стук вышла его жена, Настасья, та самая, что вчера сидела, уставившись в одну точку. Теперь она выглядела ещё хуже: лицо её было серым, как пепел, а глаза — пустыми, будто из них вынули свет. Она не произнесла ни слова, только посмотрела на Алису и медленно, как во сне, закрыла дверь.

— Она теряет не только голос, — Сев покачал головой. — Она теряет себя. Если сегодня не разорвать круг, к вечеру она не вспомнит даже, как её зовут.

— Что за круг? — спросила Буся, прижимаясь к Мирону.

— Тот, что чертится на золе у печи, — ответил Сев. — Я видел такой на севере. Его чертят, когда хотят привязать душу к дому, а потом — к земле. Если женщина до заката не заговорит, она останется между.

— Так давайте войдём! — Буся рванулась к двери, но Мирон удержал её за хвост.

— Не так просто, — кот оскалился. — Там, за дверью, не только Настасья. Я чую полынный дым и что-то ещё. Как от мокрой шерсти.

Алиса, не раздумывая, сжала огарок и переступила порог. Внутри было темно, хотя на улице уже разгорался день. Окна были завешены тёмными тряпками, и в этой тьме, как в норе, пахло той самой полынью, о которой говорил Мирон. Настасья сидела на лавке, выпрямившись, и смотрела в печь, где, несмотря на жару, горел слабый, неровный огонь.

У печи, на полу, был начерчен круг — из золы, с неровными, но чёткими краями. Внутри круга лежали три вещи: пучок волос, перевязанный рыжей нитью, маленький глиняный горшочек с чем-то тёмным и железный гвоздь, воткнутый в уголёк.

— Не трогай! — Заряна схватила Алису за руку. — Круг замкнут. Если войдёшь — заберёт.

— Но мы же должны её вытащить.

— Вытащим. Только сначала — разорвать круг. Для этого нужно трижды прочитать заговор и сыпануть солью на уголь. Но соль должна быть четверговая, иначе не работает.

У Андрона, как назло, такой соли с собой не было. Зато была у Любавы: она, как выяснилось, хранила её в узелке, спрятанном за иконой. Пока бегали, Алиса осталась у круга, следя, чтобы Настасья не сделала лишнего движения. Женщина сидела неподвижно, и только губы её изредка вздрагивали, будто она пыталась что-то сказать, но не могла.

— Потерпи, — тихо сказала Алиса, глядя на неё. — Сейчас всё снимем.

Когда соль принесли, Заряна, быстро прочитав заговор, сыпанула её на уголь. Раздался треск, из круга поднялся столб сизого дыма, и в этом дыму, как почудилось Алисе, мелькнуло чьё-то искажённое лицо. Потом всё стихло. Настасья вздрогнула, как от удара током, и вдруг заговорила — хрипло, но отчётливо:

— Где я?.. Голова... как в тумане...

— Вы дома, — Алиса помогла ей подняться. — Теперь всё будет хорошо.

— А Дуня? — вспомнила Любава. — Ей тоже надо снять. У неё на шее метка.

— Снимем, — Алиса кивнула. — Но сначала — найдите, где она спала. Нитка, что сжимает её горло, спрятана где-то рядом. Пока не найдём, голос не вернётся.

У Дуни, как выяснилось, нитка была зашита в подушку. Маленькая, рыжая, с семью узелками, пахнувшая слезами. Алиса разорвала её, прочитав заговор, и девочка, всхлипнув, произнесла первое слово:

— Мама...

И заплакала уже в голос.

— Вот и славно, — Буся, семенившая рядом, ткнулась носом в её ладонь. — Теперь ты снова громкая.

— Я не громкая, — сквозь слёзы улыбнулась Дуня. — Я обычная.

— Обычные не воют с колдуньями, — заметил Мирон. — А ты выстояла. Значит, ты молодец.

После этого отряд снова собрался у дома Марфы. Но колдунья, как назло, не открывала. Ставни были закрыты, калитка — на запоре, и только из-под ворот, как и вчера, тянуло холодом. Алиса подошла, постучала. Тишина. Постучала ещё. И снова — ни звука.

— Она смотрит, — тихо сказала Буся, втянув носом воздух. — Я слышу, как она дышит. И как у неё сердце колотится.

— Пусть смотрит, — Алиса отступила. — Значит, знает, что мы её не боимся.

Они повернули к дому Любавы, и в этот миг из-за ставней донёсся голос — низкий, тягучий, но какой-то надломленный:

— Не боюсь я., и не таких провожала.

Алиса не обернулась. Только жала перстень, который, как ей показалось, на мгновение стал теплее.

— Завтра, — негромко произнесла она. — Завтра мы поговорим. По-другому.

Конец пятой главы.

Глава 6. В которой лесничий теряет дочь, а в лесу находят пенёк, который не был пеньком

Утро после снятия «удавки» с Дуни и освобождения Настасьи выдалось тревожным, но солнечным. Солнце поднялось над Загорьем, разогнав остатки ночного тумана, и деревня, ещё вчера притихшая, снова начала наполняться звуками: где-то закричал петух, залаяла собака, и у колодца загомонили женщины, обсуждая вчерашние события. Но Алиса, стоя у окна в доме

Любавы, не разделяла общего облегчения. Она знала: Марфа не отступит, и то, что она готовит дальше, будет страшнее.

— Ты опять не спала, — заметил Мирон, мягко спрыгнув с лавки и подходя к ней. — Глаза красные.

— Думала, — ответила Алиса, не оборачиваясь. — Марфа не просто вредит. Она забирает у людей голоса, имена, силы. Это не хулиганство. Это ритуал. И мне кажется, она не сама его придумала.

— Думаешь, ей кто-то помогает?

— Или она кого-то слушается. — Алиса наконец повернулась. — Мы должны выяснить, откуда у неё такие знания. И почему она так держится за эту деревню.

— А ещё нужно понять, куда она увела тех, кого «забрала», — подала голос Заряна, спускавшаяся по лестнице. — Я ночью слышала, как под полом кто-то плакал. Не здесь — на улице. Как будто голос шёл из-под земли.

— Это Навь, — тихо произнесла Буся, высунув нос из-под одеяла. — Там, где мы уже были. Кто-то попал туда и не может выбраться.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Алёна, сидевшая на лавке и заплетавшая косу.

— Я слышу, — Буся прижала уши. — Когда человек в Нави, его голос звучит как эхо. Очень далёкое. И очень грустное.

Сев, вошедший с улицы, кивнул:

— На севере о таком говорили. Если колдунья сильная, она может открыть проход и затянуть туда живого. Обычно так избавляются от тех, кто мешает.

— Думаешь, Марфа кого-то туда отправила? — Алиса нахмурилась.

— Уверен. Одна из её нитей, что мы рвали, была не для голоса. Такие нити вяжут, чтобы привязать душу к переходу. Я ещё вчера заметил: у дома Егора на земле был след, будто кого-то волокли. Я подумал, показалось. А теперь понимаю: она вытягивала из него жизнь, чтобы оставить вместо себя в Нави.

— Кого? — испуганно спросила Любава, которая как раз накрывала на стол.

— Егора, — коротко ответил Сев. — Или Настасью. Но они оба здесь. Значит, жертвой мог быть кто-то другой, кто приходил к ним.

Разговор прервал стук в дверь. Любава, вытерев руки, пошла открывать и вернулась с мужчиной в зелёной форме лесника. Он был высок, сутул, с измождённым, небритым лицом и красными от бессонницы глазами. Фуражку он мял в руках, и пальцы его дрожали.

— Вы ведьма? — с порога спросил он. — Мне сказали, вы из Тридесятой. Я — лесничий, Игнат Северьяныч. У меня дочь пропала. Вчера вечером пошла к колодцу и не вернулась. Мы всю ночь искали. Ни следа. Только у колодца нашли её платок, а на нём — пепел.

— Пепел? — Заряна подошла ближе. — Какой?

— Сизый, как от сгоревшей полыни. И пахнет не дымом, а сырой землёй. — Лесничий достал из кармана узелок, развернул. Внутри лежал маленький, пропитанный пеплом платок. Алиса взяла его, поднесла к лицу. От платка пахло не землёй — пахло Навью. Тем самым холодным, застойным воздухом, который она помнила с прошлых походов.

— Это Навь, — подтвердила она, и в горнице повисла тишина. — Ваша дочь не просто пропала. Её утянули. И если мы не поторопимся, она останется там навсегда.

— Что делать? — лесничий сжал кулаки. — Я готов на всё.

— Для начала покажите место. — Алиса уже накидывала плащ. — Только возьмите себя в руки. Нам понадобится ясная голова.

Они вышли. Деревня провожала их взглядами. У колодца, где накануне горели огоньки, теперь стояла притихшая толпа. Люди шептались, показывали на лес, и от их шёпота, как от сухой травы, по земле стелилась тревога.

Лесничий привёл их к старому колодцу за околицей — тому самому, откуда ночью Марфа «метала» свои следы. Возле сруба, на мокрой траве, виднелись борозды, будто что-то тяжёлое тащили к лесу. Они обрывались у кромки, где рос старый, замшелый пенёк.

— Вот, — Игнат Северьяныч остановился. — Здесь мы её платок нашли. И следы. Дальше — ничего.

Алиса присела у пня. Он был не просто старым — он был мёртвым, но не гнилым. Кора его поблескивала, как после дождя, хотя дождя не было. Внутри, в трещине, что-то слабо светило.

— Это не пенёк, — тихо произнесла Заряна, опускаясь рядом. — Это врата. Малые, временные. Марфа открыла их, чтобы отправить девочку в Навь, а потом закрыла. Но след остался.

— Можно открыть снова? — спросил лесничий.

— Можно, — Алиса поднялась. — Но для этого нужно провести обряд и найти ключ.

— Какой ключ?

— Тот, которым Марфа закрыла. Обычно это вещь, принадлежавшая похищенному. У вас есть что-нибудь дочери? Что она носила с собой?

Лесничий задумался, потом сунул руку за пазуху и вытащил маленький, простой гребень.

— Вот. Она с ним не расставалась. Гребень её матери. Я подобрал вчера у калитки, думал, обронила.

— Подойдёт. — Алиса взяла гребень. — Сейчас вернёмся в дом, подготовимся. В Навь идти нужно до заката, иначе проход закроется, и девочка потеряется.

— Я с вами, — твёрдо заявил лесничий.

— Нет, — Алиса покачала головой. — Вы останетесь здесь. От вас будет больше пользы, если вы будете молиться. И ждать.

— Я не умею ждать.

— Значит, научитесь. — Алиса взглянула ему в глаза. — Ваша дочь вернётся. Обещаю.

В доме Любавы началась подготовка. Заряна смешивала травы для защитного зелья, Буся настраивала горло, Мирон точил когти, Сев проверял северный амулет, а Алёна и Уголёк, хоть и не шли в Навь, сустились рядом, стараясь помочь. Алиса села у окна, положила перед собой гребень и огарок. Закрыла глаза, пытаясь услышать.

И услышала. Далеко, как сквозь толщу воды, прозвучал детский голос:

— Мама... я здесь. Забери меня.

Она открыла глаза.

— Она жива. И ждёт.

— Тогда идём, — Мирон встал. — Чем скорее, тем лучше.

До пня добрались быстро. Алиса положила гребень в трещину, очертила вокруг него круг из полыни и прочитала заговор, которому когда-то научилась от Серафимы. Земля под ногами вздрогнула, пенёк засветился, и в его сердцевине открылся тёмный провал.

— Навь, — прошептала Буся и прижалась к Мирону.

— Навь, — кивнул тот. — Не в первый раз.

Алиса первой шагнула в темноту.

Конец шестой главы.

Глава 7. В которой Навь встречает их туманом и шёпотом, а гребень приводит к тому, что не может уснуть

Первым, что почувствовала Алиса, был запах. Не тот холодный, подвальный, что обычно сопровождает вход в Навь, а густой, приторный, как от мокрой золы, смешанной с прелыми цветами. Он обволакивал, лип к лицу и одежде, и от него в горле начинало першить. Вторым ощущением была тишина — но не пустая, а натянутая, как струна, готовая вот-вот лопнуть. Где-то далеко, как сквозь вату, звучали голоса, но слов было не разобрать.

Они стояли на серой, лишённой цвета равнине, покрытой не то пеплом, не то мелким, сухим мхом. Неба над ними не было — только белесая мгла, из которой, как нити, свисали пряди тумана. Впереди, шагах в двадцати, темнел лес, но не тот, что остался позади: деревья здесь были вывернуты, будто росли корнями вверх, и их ветви, голые, скрюченные, напоминали руки, тянущиеся к невидимому свету.

— Вот мы и снова здесь, — негромко произнёс Мирон, встряхнувшись. Его шерсть встала дыбом, но голос был спокоен. — Как же я люблю это место.

— Ты же говорил, что терпеть его не можешь, — Буся прижалась к его боку, озираясь.

— Ну, не всё же время ворчать. Иногда можно и пошутить.

— Сейчас не время для шуток, — оборвал Сев, доставая из-за пазухи северный амулет. Тот, оказавшись в Нави, засветился ровным, холодным светом, и от него по земле поползли тонкие тени, будто кто-то невидимый отступал. — Здесь всё иначе, чем на севере. Пахнет... чужим.

— Это Марфа, — тихо произнесла Заряна, оглядываясь. — Она напитала это место своей ворожбой. Смотрите: туман не просто лежит — он тянется к нам. Как щупальца.

И правда: от ближайшей полосы тумана отделилась тонкая, почти незаметная нить и, извиваясь, поползла по земле к ногам отряда. Алиса, не раздумывая, взмахнула огарком, и нить, вспыхнув, осыпалась пеплом.

— Не подпускайте их, — велела она. — Это не просто туман. Это её глаза.

Они двинулись вперёд, к лесу. Гребень, который Алиса сжимала в левой руке, был тёплым и слегка вибрировал, как будто внутри него билась живая жилка. Время от времени он вздрагивал, и тогда Алисе казалось, что она слышит далёкий, зовущий голос: «Я здесь... я здесь...». Она шла на этот голос, не разбирая дороги, и вскоре равнина сменилась лесом, где деревья стояли так плотно, что приходилось пробираться боком.

— Здесь тени, — предупредил Мирон, и все замерли.

Из-за деревьев, из ключьев тумана, начали выступать силуэты. Они были полупрозрачные, смазанные, как отражения в мутной воде, и от них пахло сыростью и старой печалью. Одни напоминали людей, другие — зверей, третьи — нечто среднее. Они не нападали, просто стояли и смотрели, и в их взглядах, если можно было, так сказать, было не зло, а бесконечная, застывшая тоска.

— Это те, кого Марфа вытянула раньше, — прошептал Сев. — Они не могут уйти, потому что их держит её воля. Видите, на шее у каждого — серая нить?

Алиса пригляделась. И правда: у каждой тени вокруг шеи была обвита тонкая, едва заметная нить, уходящая куда-то вглубь леса, к одному невидимому центру.

— Если разорвать нити, они освободятся? — спросила Буся, подавшись вперёд.

— Возможно, — Заряна покачала головой. — Но трогать их сейчас нельзя. Нужно найти центр, откуда тянутся нити. Иначе, порвав одну, мы лишь разозлим ту, что их связала.

Алиса, сжав гребень, пошла вперёд, и тени расступались, как высокая трава. Лес становился всё глубже, воздух — всё холоднее, и вскоре они вышли к ложбине, посреди которой, на чёрном, выжженном круге, стоял старый дуб. Он был мёртв, но не упал — его ствол, как скелет, держался на корнях, уходивших глубоко в землю. Вокруг дуба, на сухих ветвях, висели те самые серые нити, и каждая из них, сплетаясь, уходила в глубину, к дуплу.

— Вот оно, — выдохнул Сев. — Древо-ловушка. Такие растут в Нави, когда сюда приходит сильная ведьма. Оно держит души, как паук держит мух.

— И где девочка? — Алиса огляделась.

— Там, — Буся указала лапкой на дупло. — Я слышу её дыхание. Она спит, но сон её тревожный.

— И не только её, — добавила Заряна, прислушиваясь. — Внутри кто-то ещё. Слабее. Тот, кто уже почти растворился.

Алиса, оставив спутников у края ложбины, шагнула к дубу. Огарок в её руке вспыхнул ярче, и нити, как живые, зашевелились, потянулись к ней. Она не остановилась. Подойдя к дуплу, она подняла гребень и вложила его в щель между корнями. Гребень вошёл, как ключ в замок, и дерево вздрогнуло. Из дупла пахнуло тёплым, почти домашним воздухом, и в этом воздухе Алиса услышала два голоса: один — детский, слабый, но живой, второй — едва слышимый, как вздох.

— Мы пришли за тобой, — тихо произнесла она, не зная, слышат ли её. — Выходи.

Из дупла, цепляясь за края, выползла девочка. Она была бледной, с растрёпанными косами и в порванном платье. Глаза её, огромные, тёмные, смотрели на Алису со смесью ужаса и надежды. За ней, как тень, скользнуло существо — не то старуха, не то птица, с длинными руками и седыми перьями вместо волос. Оно зашипело, заслонило девочку, но Алиса подняла огарок, и существо отпрянуло.

— Это страж, — быстро проговорил Сев, подбегая. — Оно не нападёт, если не дать ему повода. Просто не отводи свет.

— А девочка? — Алиса не сводила глаз со стража.

— Пусть сама сделает шаг. Её воля сильнее, чем кажется.

И девочка, дрожа, сделала шаг. Потом другой. Страж зашипел громче, но не двинулся. Девочка, пересилив себя, бросилась к Алисе и уткнулась ей в плечо.

— Мама... — прошептала она. — Я хочу к маме.

— Скоро, — Алиса обняла её. — Уже скоро.

Они отошли от дуба. Страж, потоптавшись, скользнул обратно в дупло, и нити на ветвях, как по команде, начали рваться одна за другой. Тени, стоявшие по краям, вздохнули — и начали таять, как туман на рассвете. Одна из них, похожая на старуху в платке, задержалась у кромки леса и, обернувшись, поклонилась Алисе. Потом растаяла.

— Вот и всё, — Заряна выдохнула. — Ловушка распалась. Девочка свободна, и все, кто был привязан, ушли.

— Ушли, — эхом отозвалась Буся, глядя вдаль. — Теперь Марфе будет чем заняться.

Они выбрались из Нави через тот же пень, когда солнце уже клонилось к закату. Лесничий, ждавший у колодца, бросился навстречу, и девочка, увидев отца, заплакала в голос. Он подхватил её на руки, прижал к себе, и в его глазах, красных от бессонницы, тоже стояли слёзы.

— Спасибо, — только и смог выговорить он. — Спасибо вам всем.

— Берегите её, — Алиса улыбнулась. — И не пускайте больше одну к колодцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.